[Илья Муромец на заставе богатырской]

Под славным городом под Киевом,
На тех на степях на Цицарскиих,
Стояла застава богатырская.
На заставе атаман был Илья Муромец,
Податаманье был Добрыня Никитич млад,
Есаул Алеша Поповский сын,
Еще был у них Гришка Боярский сын,
Был у них Васька Долгополой.
Все были братцы в разъездьице:
Гришка Боярский в те-пор кравчим жил,
Алеша Попович ездил в Киев-град,
Илья Муромец был в чисто́м поле,
Спал в бело́м шатре,
Добрыня Никитич ездил ко синю́ морю,
Ко синю́ морю ездил за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою,
На охоте стрелять гусей, лебедей.
Едет Добрыня из чиста́ поля,
В чистом поле увидел и́скопоть великую,
Ископоть вели́ка — по́лпечи.
Учал он и́скопоть досматривать:
— Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидови́н могуч богатырь
На эти степи Цицарския!

Приехал Добрыня в стольный Киев-град,
Прибирал свою братию приборную:
— Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
Мы что́ на заставушке устояли.
Что́ на заставушке углядели?
Мимо нашу заставу богатырь ехал!
Собирались они на заставу богатырскую.
Стали думу крепкую думати:
Кому ехать за нахвальщиком?

Положили на Ваську Долгопологo.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
— Не ладно, ребятушки, поло́жили;
У Васьки полы долгия,
По земле ходит Васька — заплетается,
На бою — на драке заплетется,
Погинёт Васька по-напрасному.
Положились на Гришку на Боярского:
Гришке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чисто́м поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
— Не ладно, ребятушки, уду́мали,
Гришка рода боярского:
Боярские роды хвастливые,
На бою-драке призахвастается,
Погинёт Гришка по-напрасному.
Положились на Алешу на Поповича:
Алешке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чисто́м поле,
Побить нахвальщика на чисто́м поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
— Не ладно, ребятушки, поло́жили:
Алешинька рода поповского,
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие,
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, се́ребра, —
Злату Алеша позавидует,
Погинёт Алеша по-напрасному.
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чисто́м поле,
Побить нахвальщика на чисто́м поле,
По плеч отсечь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.

Походит Добрыня на конюший двор,
Имает Добрыня добра́ коня,
Уздает в уздечку тесмя́нную.
Седлает в седелышко черкаское,
В торока́ вяжет палицу боёвую,
Она свесом та палица девяносто пуд,
На бедры́ берет саблю вострую,
В руки берет плеть шелко́вую,
Поезжает на го́ру Сорочинскую.
Посмотрел из трубочки серебряной:
Увидел на поле черни́зину;
Поехал прямо на черни́зину,
Кричал зычным, звонким голосом:
— Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь, —
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаману Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братию наборную?
    Учу́л нахвальщина зы́чен голос,
Поворачивал нахвальщина добра́ коня,
Попущал на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленца пал.
Добрыня Никитич млад
Господу богу возмо́лится
И мати пресвятой богородице:
— Унеси, господи, от нахвальщика.
    Под Добрыней конь посправился,
Уехал на заставу богатырскую.
Илья Муромец встречает его
Со братиею со приборною.
Сказывает Добрыня Никитич млад:
— Как выехал на го́ру Сорочинскую,
Посмотрел из трубочки серебряной,
Увидел на́ поле черни́зину,
Поехал прямо на черни́зину,
Кричал громким, зычным голосом:

«Вор, собака, нахвальщина!
Зачем ты нашу заставу проезжаешь, —
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братью на приборную?»
Услышал вор-нахвальщина зы́чен голос,
Поворачивал нахвальщина добра́ коня,
Попущал на меня, до́бра мо́лодца:
Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Подо мною конь на коленца пал.
Тут я господу богу возмо́лился:
«Унеси меня, господи, от нахвальщика!»
Подо мной тут конь посправился,
Уехал я от нахвальщика
И приехал сюда, на заставу богатырскую.
Говорит Илья Муромец:
— Больше некем заменитися,
Видно ехать атаману самому!
Похо́дит Илья на конюший двор,
Имает Илья добра́ коня,
Уздает в уздечку тесмя́нную,
Седлает в седелышко черкаское,
В торока́ вяжет палицу боёвую,
Она свесом та палица девяноста пуд,
На бедры́ берет саблю вострую,
Во руки берет плеть шелко́вую,
Поезжает на го́ру Сорочинскую;
Посмотрел из кулака молодецкого,
Увидел на поле черни́зину,
Поехал прямо на черни́зину,
Вскричал зычным, громким голосом:
— Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь, —
Мне, атаману Илье Муромцу, челом не бьешь?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братью наборную?

Услышал вор-нахвальщина зы́чен голос,
Поворачивал нахвальщина добра́ коня,
Попущал на Илью Муромца.
Илья Муромец не удро́бился.
Съехался Илья с нахвальщиком:
Впе́рвые палками ударились, —
У палок цевья отломалися,
Друг дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились, —
Востры сабли приломалися,
Друг дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись, —
Друг дружку не ранили;
Бились, драли́сь рукопашным бое́м,
Бились, драли́сь день до вечера,
С вечера бьются до полу́ночи,
Со полу́ночи бьются до бела́ света.
Махнет Илейко ручкой правою, —
Поскользи́т у Илейка ножка левая,
Пал Илья на сыру́ землю;
Сел нахвальщина на белы́ груди́,
Вынимал чинжали́щё булатное,
Хочет вспороть груди белыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плеч отсечь буйну голову.
Еще стал нахвальщина наговаривать:
— Старый ты старик, старый, матёрый!
Зачем ты ездишь на чисто́ поле?
Будто некем тебе, старику, заменитися?
Ты поставил бы себе келейку
При той путе́ — при дороженьке,
Сбирал бы ты, старик, во келейку,
Тут бы, старик, сыт-пи́танён был.
Лежит Илья под бога́тырём,
Говорит Илья таково́ слово:
— Да не ладно у святых отцёв написано,
Не ладно у апостолов удумано,
Написано было у святых отцёв,
Удумано было у апостолов:

«Не бывать Илье в чи́стом поле убитому»,
А теперь Илья под бога́тырём!
Лежучи́ у Ильи втрое силы прибыло:
Махнёт нахвальщину в белы́ груди́,
Вышибал выше дерева жа́рового,
Пал нахвальщина на сыру́ землю,
В сыру́ землю ушел до́-пояс,
Вскочил Илья на резвы́ ноги́,
Сел нахвальщине на белы́ груди́.
Недосуг Илюхе много спрашивать, —
Скоро спорол груди белыя,
Скоро затьмил очи ясныя,
По плеч отсек буйну голову,
Воткнул на копье на булатное,
Повез на заставу богатырскую.
Добрыня Никитич встречает Илью Муромца
Со своей братьей приборною.
Илья бросил голову о сыру́ землю,
При своей братье похваляется:
— Ездил во́ поле тридцать лет, —
Экого чуда не нае́зживал!

(Записано Кузмищевым в Шенкурском уезде Архангельской губ. и доставлено П. В. Киреевскому от М. П. Погодина.)

Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I, 1860.